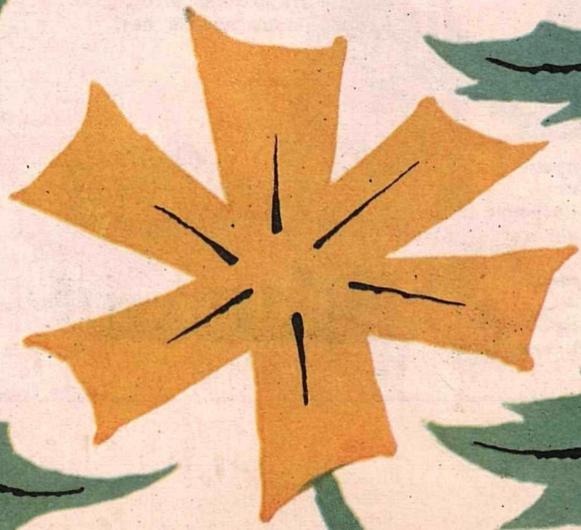
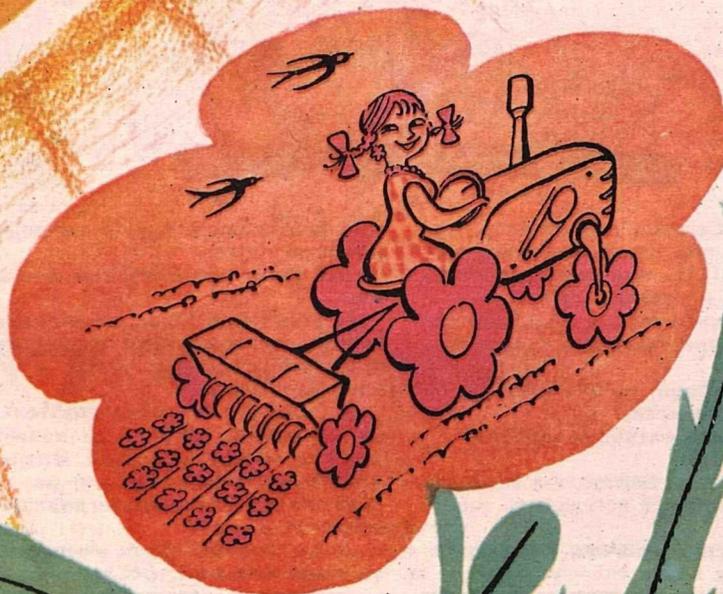

КРОКОДИЛ

№ 11 (1733) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 20 АПРЕЛЯ 1964

ВЕЧНА ЦВЕТЕТ

Ю.Ф.

— Какое у вас настроение?

— Хорошее. Отличное!

Это короткий разговор двух повстречавшихся знакомых. Разговор на ходу: «Здравствуй!» «Здравствуй! Как настроение?»

Настроение плохим быть не может: идет весна. Солнце сияет лучами, а люди — улыбками.

Весна идет по стране, ломая лед на реках и смахивая с полей снег, — весна-чудесница, весна-труженица.

Она всегда желанная гостья, особенно у северян.

В Москве и Ленинграде еще холод и рано выставлять вторые рамы, а с юга — из республик Средней Азии, из благодатного Краснодарского края — идут весенние вести. Там уже пригрело. И прилетевшие с юга авиапассажиры сходят на московскую землю с букетами цветов.

Они привезли с собой живую весну.

— Как настроение?

— Конечно, хорошее.

— Какие вести?

— Добрые.

Добрые вести идут с колхозных полей. Сегодня, как никогда, велик и неисчерпаем энтузиазм земледельцев. Вдохновленные решениями февральского Пленума ЦК КПСС, они преисполнены решимости вырастить обильный урожай — урожай 1964 года.

Добрые вести идут с заводов и фабрик, со строек большой химии: металлурги, шахтеры, строители развертывают предмайское соревнование.

Добрые вести идут из научных лабораторий, из экспедиций, из дальних и ближних городов, из глубин космоса.

Люди смотрят на небо, щурятся от яркого солнца и говорят:

— А наш-то там опять летает!

Летает! Мы обживаем космос, как обживаем Землю, и в заоблачных высях, в межзвездных пространствах почти всегда есть советский полпред.

И от этого у нас тоже хорошее настроение: значит, силы наши растут, значит, сказка быстрее становится явью.

Мы романтики, мы мечтатели. Мечта нас не оставляет никогда, она влечет нас вперед. Выполнив одну задачу, достигнув одной

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

вершины, мы не думаем о привале: надо снова в путь — штурмовать следующую.

То, что сделали и делают советские люди под руководством нашей родной партии, ее ленинского Центрального Комитета, вызывает восхищение во всем мире. Только лютые враги наши, злобные ненавистники всех мастей не хотят видеть грандиозных успехов коммунистического строительства, пытаются закрывать глаза на наши победы и бормочут чепуху о «неудачах».

Но всякий раз, породив очередной миф или пустив газетную «утку», они неизбежно оказываются в смешном положении. Над ними смеются их же соотечественники. И от этого у нас тоже хорошее настроение.

— Лайте, тьякайте, господа. Караван идет дальше.

Страны социализма добиваются новых успехов, наглядно демонстрируя преимущества социалистического строя, его неиссякаемую животворную силу.

Мы строители, мы созидатели. Нам очень дорог мир, и мы неуклонно боремся за торжество дела мира. В этой вели-

кой, благородной борьбе нас поддерживают миллионы честных людей всех стран.

Они хотят избавиться от военной угрозы, от непосильных налогов.

На Советский Союз, на социалистические страны они смотрят со святой надеждой. Они знают: мы делаем все, чтобы не допустить ядерного пожара и чтобы в небе не возникли злоецие грибы ядерных взрывов.

Неуклонно и последовательно выступает Советский Союз за политику мира, за политику разоружения, за политику дружбы между народами. Интриги атомщиков и неоколониалистов неизбежно терпят провал за провалом. И недаром — все старое, обветшалое, прогнившее должно уйти: идет весна, весна человечества!

Люди говорят: пусть планета Земля будет счастливой. Пусть дети наши не знают тревог.

— Какое у вас настроение?

— Хорошее. Отличное!

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

НОВЫЕ ЧЕРЕМУШКИ

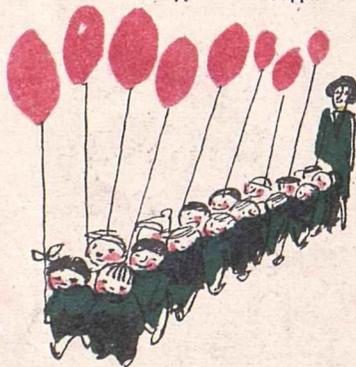
(ИЗ ЦИКЛА «ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ»)

Мы ждем вас всех в Черемушки.
Найти нас не хитро —
К нам, в Новые Черемушки,
Доставит вас метро.

Доставит быстро, запросто.
Забудьте навсегда,
Как раньше с пересадками
Тащились вы сюда.

Возможно, что Черемушки
Когда-то знали вы
Как старую, убогую
Окраину Москвы.

Теперь здесь скверы, улицы,
Огни реклам горят...
«Дом мебели»,
«Дом обуви»,
«Дом тканей»,
детский сад...

И фабрика текстильная,
Кафе,
и не одно,
И новые
столовые,
И школы,
и кино...

Все ново!
Как с иголочки!
И все ласкает глаз,
Все только что прописано
В Черемушках у нас.

Ни улицы, ни здания
Старее нас тут нет,
И только лишь название
Осталось с давних лет.

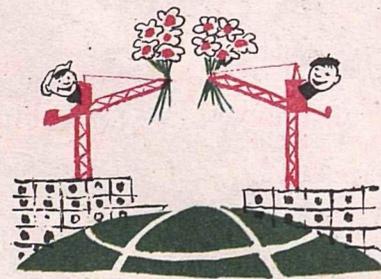
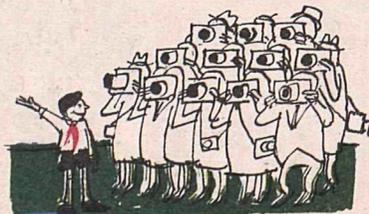
Не только эти улицы
И новые дома —
На жительство прописана
Здесь молодость сама.

Она здесь людям дарится
Для самых смелых дел.
Еще никто состариться
У нас тут не успел.

Еще не все зеленые
Деревья расцвели,
Еще не все влюбленные
Друг друга здесь нашли.

Здесь новое рождается
Буквально на глазах,
А старожил тут бегаёт
В коротеньких штанах.

И ничего зазорного
И странного тут нет:
Ведь старожилу этому
Всего лишь десять лет.

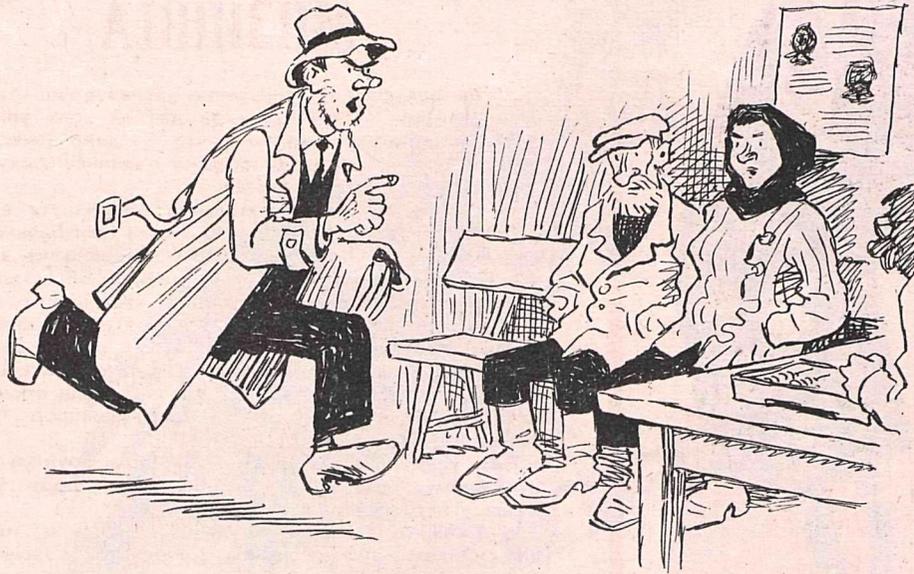
К нам, в Новые Черемушки,
Мы ждем вас поскорей...
А впрочем, есть Черемушки
Московских поновей.

И чтоб попасть в Черемушки,
Узнать их благодать,
Совсем не обязательно
В столицу приезжать...

Есть минские Черемушки,
И киевские есть,
И омские,
И томские,
И всех не перечесть.

На юге и на севере
Они возведены...
Черемушки, Черемушки
Во всех концах страны!

И всюду, где Черемушки,
Черемуха цветет,
И все мечты сбываются
У тех, кто там живет.

Разговор у Нестеренко

В прошлом году я побывал по заданию редакции в одном колхозе. Возглавляет его депутат Верховного Совета, бывший учитель Петр Петрович Нестеренко. Принял он меня радушно, дружески. Днем я осмотрел хозяйство, поговорил с людьми, а вечером заглянул к нему в контору, чтобы поделиться своими впечатлениями и получить кое-какие дополнительные цифровые данные.

Но не успел я и рта раскрыть, как шумно отворилась дверь, и в контору ворвался еще молодой, но заросший густой щетиной человек в мокром плаще и с туго набитым портфелем.

— Здравствуйте, — с ходу поздоровался он и скинул мокрый плащ. В кармане помятого серого пиджака поблескивал целый патронташ авторучек и карандашей. Он глянул на Петра Петровича и бросил:

— Папаша, я уполномоченный из области — Макар Макарович Пенек. Срочно вызовите председателя.

— Кого, кого? — переспросил Нестеренко.

— Ну, председателя колхоза, если не понимаете, — выпалил скороговоркой Пенек и начал вытаскивать из портфеля какие-то рулоны бумаги.

— А зачем он вам? — спросил председатель.

— Не ваше, папаша, дело. Сказано позвать, значит, исполняйте! — буркнул Пенек, не отрываясь от бумаг.

Петр Петрович посмотрел на меня добрыми, печальными глазами и усмехнулся:

— Если так, то я и есть председатель артели...

— Вы? — остолбенел уполномоченный. — Тут еще недавно председательствовал другой...

— Что ж, и такое бывает, — посочувствовал Нестеренко. — Все течет, все меняется... Садитесь, товарищ уполномоченный, и расскажите, с чем хорошим пожаловали к нам.

— Нет, нет, рассиживаться мне некогда, — заторопился тот. — У меня ведь не один колхоз. — Он развернул перед Петром Петровичем длинный рулон бумаги. — Товарищ председатель артели, смотрите сюда и запомните, что к чему. К утру приготовьте мне информацию о ликвидации яловости с первого по двадцатое мая... Вот по этой форме. — И начал быстро читать: — «Сколько имеется неплодотворенных коров свыше двух месяцев после растела, в том числе яловых со второго года... Сколько осемененных телок...» Ну, и так далее. Одним словом, тут все ясно сказано... Сорок восемь примечаниями... Только аккуратно заполните!

— Скажите, а имя и год рождения коров,

телок и бугаев тоже указать? — поинтересовался Петр Петрович.

Пенек не заметил иронии.

— Для полноты следовало бы... Но сделайте это на отдельном листе, как дополнение к информации. Теперь, товарищ председатель, смотрите сюда. — И развернул другой рулон бумаги. — Это информация о сдаче государству мясopодуки, молпpодуки, яйцепpодуки, шерстепpодуки и прочей эсхапpодуки... Всего-навсего пятьдесят четыре графы...

Председатель покачал головой.

— У вас, товарищ Пенек, как я вижу, больше граф, чем в нашей артели молпpодуки и яйцепpодуки...

— Товарищ предколхоза, не будем пререкаться. — И Пенек развернул третий рулон. — А это информация о водоплавающей рыбе и птице. Сколько имеете в наличии водоплавающих уток, в том числе гусей и селезней... Сколько квадратных километров имеете водного зеркала... Сколько штук запущено мальков... Сколько выловлено карпа, в том числе карася, окуня, щуки, красноперки, линей, рака и прочей рыбopодуки... Всего пятьдесят восемь граф. Вам все понятно?

— Понятно, — ответил председатель. — С

водным зеркалом и рыбopакopодукией много легче, поскольку у нас ничего этого пока что нет, только планируем... Это все?

— Не торопитесь! — сказал Пенек и извлек из портфеля толстую общую тетрадь. — Через два дня мне необходимо провести у вас собрание молодежи по таким плановым мероприятиям, как пожелало...

— Что, что? — переспросил председатель.

— Ну, пожарное дело.

— А вы что, пожарный?

— Не пожарный, но мне поручено. Слушайте дальше: по эсхавредителям, по спортделу, самогонделу, по пережиткам...

— Да вы же юморист! — воскликнул Петр Петрович и рассмеялся.

Пенек стал в позу:

— Товарищ председатель, тут не до смехуников! Вы что, потворствуете пережиткам?.. Я так и буду квалифицировать! А плановые мероприятия все равно необходимо провести! Вот так: чтобы к утру были готовы все сведения, а то мне их надо срочно в область отправить. А собрание молодежи готовьте по календарному плану мероприятий.

Петр Петрович встал и твердо произнес: — Вот что, товарищ Пенек... Хватит! Мой предшественник как раз и прогорел из-за подобных сводок и совещаний... Так что я ничем этим заниматься не буду. А вам советую: попросите свое начальство составить одну небольшую сводку — во что обходятся все эти ваши сводки.

Пенек вскипел:

— Да вы кто будете, что эдак со мной разговариваете? Я доложу куда следует!

— Кто я такой? Рядовой председатель артели, а кроме того, и депутат, призванный бороться с бюрократизмом...

— Для меня депутат сельсовета не указ!

— А я депутат Верховного Совета.

Пенек покачнулся и опустился на стул.

— По... по... почему же вы, товарищ председатель, не носите депутатского значка?

— Вам, может, предъявить депутатскую книжку?

— Из... извините... Не надо, не надо... Я к вам как-нибудь в другой раз...

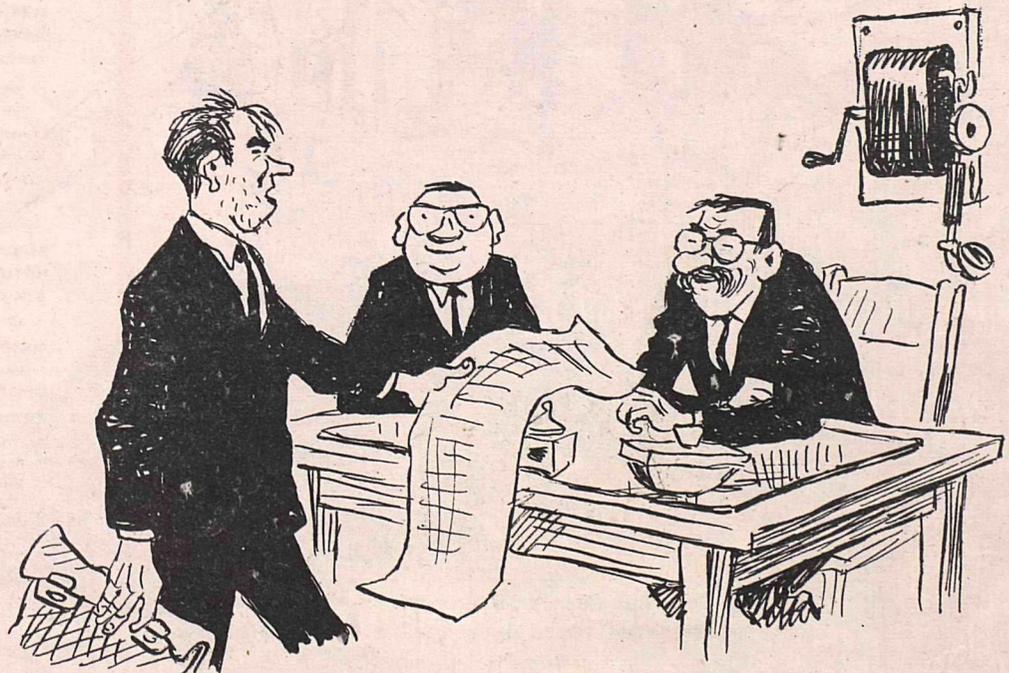
И он стрелой вылетел в дверь.

— Ну вот, одного любителя яйцерыборакpодуки я выдворил, — усмехнулся Петр Петрович и грустно добавил: — Но посидите немного, и ему на смену явится другой «продукт». Беспременно явится! К сожалению...

Если помните, я зашел к председателю, чтобы поделиться своими впечатлениями и получить от него кое-какие цифровые данные. Но после визита Пенька я не рискнул заговорить о каких бы то ни было сведениях...

А вместо этого мы долго еще беседовали о замечательных людях колхоза, который возглавляет депутат Верховного Совета Петр Петрович Нестеренко.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

ОДНИМ УДАРОМ МИЗИНЦА

Когда фокусник торжественно извлекает из своей выданной шляпы одну за другой трех упитанных уток, мы понимаем, конечно, что тут дело нечисто. Нас интересуют не сами пернатые, а механика фокуса. Так сказать, секрет производства.

Подобное же жгучее желание проникнуть в тайны ремесла мы испытали недавно, когда Центральное разведывательное управление США извлекло из засаленной шляпы знаменитый ныне доклад об «отставании советской экономики». Прочитав, что темпы нашего экономического роста за последние два года снизились до 2,5 процента в год, мы захотели во что бы то ни стало раскрыть механику этого блистательного иллюзиона американской разведки. Мы поступили очень просто: отправились в ЦРУ, чтобы получить информацию из первых рук.

Нам удалось встретиться с Джоном Коунмаком, начальником одного из машинописных бюро ЦРУ, и взять у него интервью.

— Скажите, мистер Коунмак,—спросили мы,—как вам удалось снизить темпы советского экономического роста в три раза по сравнению с действительными?

Мистер Коунмак приятно улыбнулся и извлек из зажималки какой-то документ, отпечатанный на сверхтонкой папиросной бумаге.

— Вы еще легко отделались,—любезно сказал он.— Вот это сверхсекретная инструкция, которая предписывала нам снизить темпы советского экономического роста до 0,5 процента в год. К сожалению, наша машинистка мисс Квик вместо нуля напечатала двойку.

— Могли бы мы поблагодарить мисс Квик, которой столь многим обязаны?

— Видите ли, мы расценили эту опечатку как признак того, что машинистка сочувствует красным. Без сомнения, вы можете ее увидеть. Я полагаю, что сейчас она как раз стоит в очереди за пособием для безработных.

Мы высказали опасение, что теперь, когда доклад стал известен миру, исправить ошибку машинистки уже невозможно.

Мистер Коунмак согласился с нами, но заметил:

— Единственный способ защитить честь нашего мундира — опубликовать новый доклад. Кстати, я уже получил свежую сверхсекретную инструкцию, которая будет положена в основу этого доклада.

Наш хозяин нажал на пуговицу своего пиджака, и оттуда вылетела свернутая в трубочку бумажка.

— Нам дано задание,—сказал он, развернув бумажку,— довести темпы роста советской экономики до нуля. Мы должны также ликвидировать отставание Соединенных Штатов от СССР в производстве железной руды, кокса, угля, тепловозов, электровозов, тракторов, цемента и другой продукции. Наконец, нам предписано ввести в Советском Союзе массовую безработицу.

— Это колоссальная экономическая программа,—посоветовали мы мистеру Коунмаку.— Но, надо полагать, руководители управления помогут вам?

— Да,—с надеждой в голосе сказал мистер Коунмак,— я уже подал шефу сверхсекретную жалобу на нехватку копировальной бумаги для наших пишущих машинок.

— А каковы ваши более далекие планы?

— Мы намеряем опубликовать еще пять-шесть специальных докладов, которые полностью покончат с экономикой всей Восточной Европы. Правда, для этого придется увеличить штат моего машинописного бюро.

— Эти расходы вполне окупятся, не так ли?

— Да, конечно... Но не дай бог, если среди новых машинисток окажется какая-нибудь другая мисс Квик, которая одним ударом мизинца сведет на нет все наши гигантские усилия!

— Не хотите ли вы передать что-нибудь еще нашим читателям?

— Я думаю, это не имеет смысла,—застенчиво улыбнулся мистер Коунмак.— Мы только что подготовили очередной сверхсекретный оперативный доклад, в котором сократили численность грамотного населения в Советском Союзе до одной сотой процента.

Мы распрощались. Мистеру Коунмаку надо было спешить на экстренное совещание руководящих деятелей ЦРУ. Как явствовало из полученного вчера сверхсекретного донесения, земной шар покоится на трех утках.

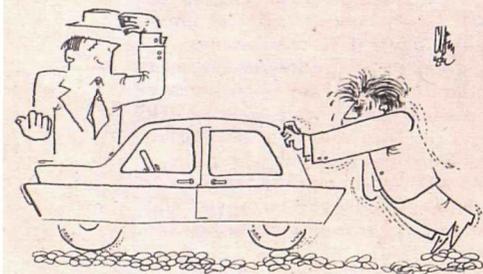
Мы будем с нетерпением ждать официального доклада ЦРУ об этом потрясающем открытии.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Передача по наследству

Рисунок Вильяма ВАЙСКОПФА
(Чехословакия)

— Вы меня не подвезете?

Рисунок Николае КЛАУДИУ
(Румыния)

— Надо же! Куда меня занесло — в книжный магазин!

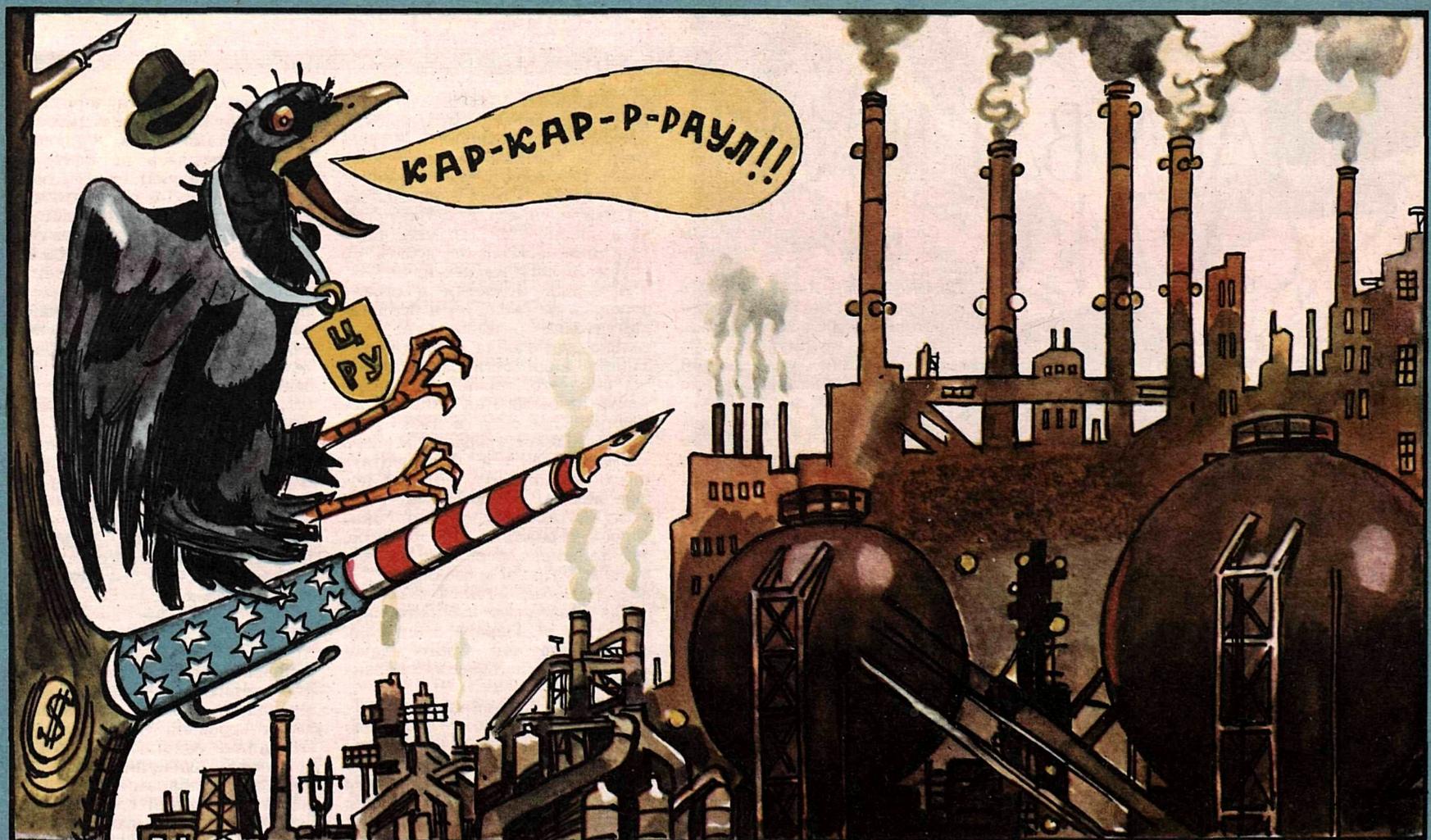
Рисунок Рика АУЭРБАХА
(Румыния)

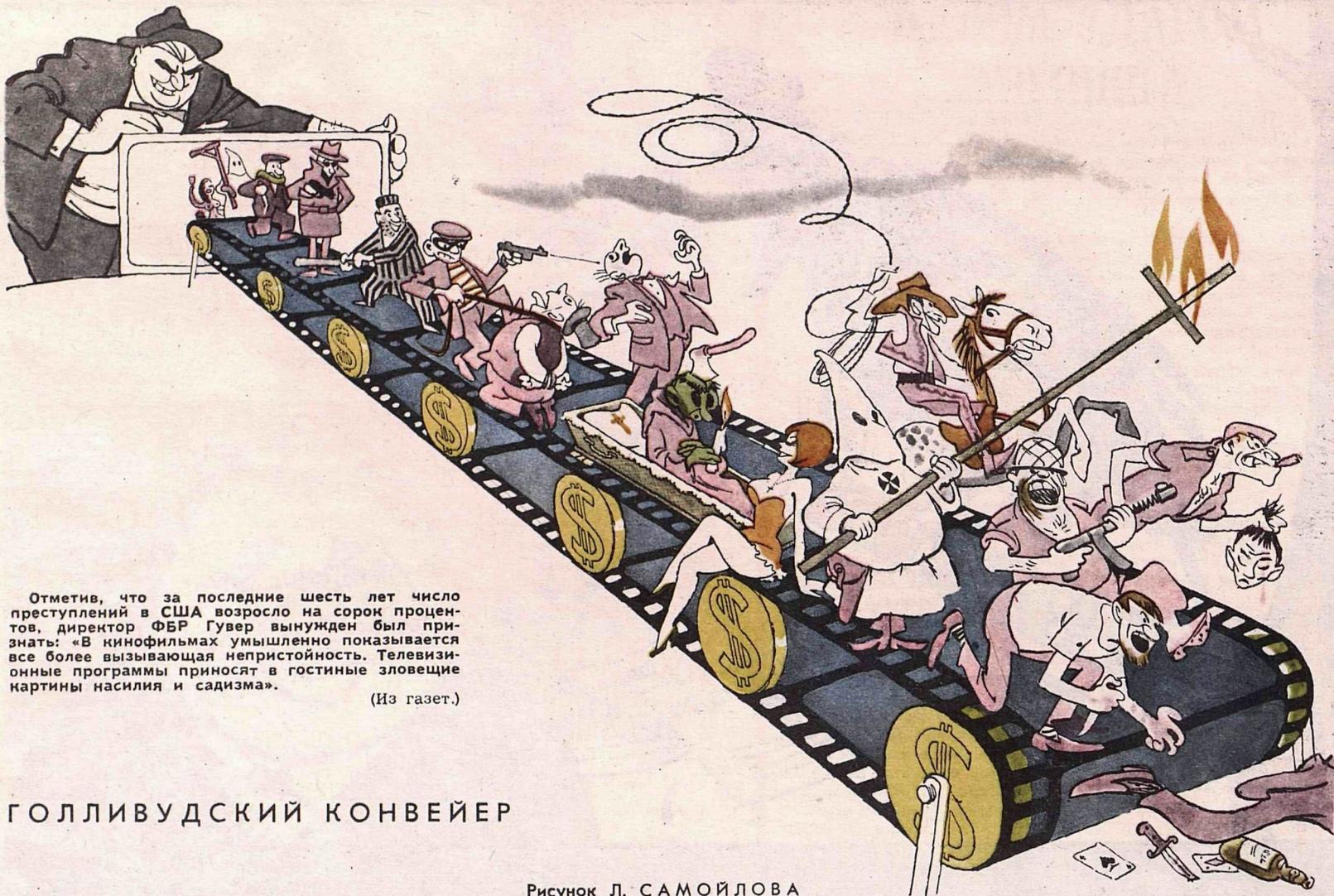

— Напрасно вы вернулись: я же сказал вам, что лиц в нетрезвом состоянии мы не обслуживаем!

Рисунок Гизеллы СЕГЭ (Венгрия)

РИСУНКИ
НАШИХ
ДРУЗЕЙ

Отметив, что за последние шесть лет число преступлений в США возросло на сорок процентов, директор ФБР Гувер вынужден был признать: «В кинофильмах умышленно показывается все более вызывающая непристойность. Телевизионные программы приносят в гостиницы зловещие картины насилия и садизма».

(Из газет.)

ГОЛЛИВУДСКИЙ КОНВЕЙЕР

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ПАРАГВАЙСКАЯ СХЕМА

В кабинете парагвайского президента Стресснера зазвонил телефон.

— Сеньор президент? — вкрадчиво прощуршила мембрана. — Говорит Рифиниелли.

— Кто? — спросил президент.

— Ри-фи-ни-елли, — повторил изнывающий от почтительности голос. — Лидер парламентской оппозиции.

— Так-так, — демократически откликнулся президент Стресснер. — Что у вас там новенького?

— Хотим протолкнуть революционный, антиправительственный закон, — затрещала мембрана, — против бродячих белых медведей!

— Ага, — сказал президент, — это, конечно, смелая подрывная идея. А что вы собираетесь с ними делать?

— Вешать на банановых деревьях, — твердо заявил лидер оппозиции.

— Вешать? — задумчиво отозвался президент. — Пожалуй... Только смотрите у меня, не ломайте бананов... Не то я вас...

— Слушаюсь! — сержантским голосом крикнул сеньор Рифиниелли.

Бананам, разумеется, ничто не угрожает. И не потому, что в Парагвае нет белых медведей. Не угрожает потому, что сам лидер «оппозиции», упомянутый господин Рифиниелли, недавно сказал:

«Мы знаем, что если зайдем далеко, конгресс закроют. Так уж лучше с конгрессом, чем без конгресса».

Ой ли? Лучше ли?

Сомнительно. Будет ли конгресс или его самолично закроет сеньор парагвайский президент, картина в стране не изменится. А насчет того, чтобы «зайти далеко», — это плод горячечной фантазии господина Рифиниелли. Не для того он собственноручно поставлен президентом во главе оппозиции, чтобы быть в оппозиции к господину Альфредо Стресснеру. И не такой человек сеньор Стресснер, чтобы позволить какому-то Рифиниелли ломать бананы и прочую экзотическую растительность. Иначе получилось бы не по схеме. А схема совсем несложна.

Представьте себе три дворца. Хороших, в латиноамериканском вкусе. В одном пьет виски «Белая лошадь» посол

Соединенных Штатов, во втором находится парагвайский президент господин Стресснер, в третьем заседает конгресс. Вся троица отлично знает свое дело. Посол определяет политику, президент проводит ее в жизнь, а в конгрессе идут яростные якобинские дебаты по поводу белых медведей.

А белых медведей в стране отродясь не было. Да и все парламентские разговоры ведутся только для отвода глаз, для создания видимости демократии.

Раньше-то, правда, и видимости не было. Как халнул господин Стресснер в 1954 году президентское кресло, так слово «демократия» и прошептаться стало страшно. Ну, а теперь новые веяния пошли. Может, самому Стресснеру скучно показалось управлять без фокусов, без лайковых перчаток на железном кулаке, а возможно, и народ забеспокоился. Только после очередного избирательного фарса в феврале этого года в конгрессе, как видите, даже завелась самодельная оппозиция.

Однажды, ударившись в откровенность, сеньор Альфредо поведал: «Мои враги — это плохие парагвайцы. Почему нас критикуют? Потому что мы против коммунизма. Многие считают Парагвай ведущей антикоммунистической страной континента».

Господин Стресснер ни словом не обмолвился о многочисленных друзьях. А таковые у него

имеются. Господин президент водит дружбу с военными.

Опять-таки как дружить. Можно посылать по почте открытки с целующимися голубками, а можно и письма с хрустящими кредитными билетами. Так вот, господин Стресснер предпочитает последнее. Известно, что не менее 70 процентов парагвайского бюджета идет на армию и полицию. В двадцать пять раз больше, чем на нужды сельского хозяйства! Цифра воистину оглушительная, особенно если учесть, что на столичных улицах редко встретишь людей в военной форме. Промелькнет полковник — и скроется. Секрет прост. Так же прост, как и другие нехитрые тайны теперешнего парагвайского двора: мощная армия подавления тщательно спрятана в различных укромных казармах, гарнизонах и базах.

Это отнюдь не значит, что сторожевая охрана режима дремлет. Нет, по первому знаку сеньора Альфредо военные готовы вцепиться в горло народу. Президент хорошо кормит своих стражей. Офицеры имеют вполне законное право беспощадно спекулировать импортными товарами. Сержанты взимают бакшиш с пассажиров междугородных автобусов. Хочешь прокатиться на поминки по горячо любимой теще? Плати дань усатому сержанту, притаившемуся в придорожных кустиках. Нижний чин тоже не

Пять «но» Джона Смита

Постарайтесь представить себе помесь сапога и мотоцикла... Не получается? Ну, тогда вообразите гибрид кривого ножа и библии. Тоже не можете? А сочетание жандарма и фокусника вы допускаете? Нет? И не удивительно. До недавнего времени такого никто не представлял, не воображал и не допускал.

Но, оказывается, действительность в США богаче самой неумной фантазии. Есть там такая помесь, такой гибрид и такое сочетание. Это Джон Смит. Есть, несмотря на явную нелепость подобной фигуры. И это первое «но» в его биографии.

Разумеется, у него, как у любого другого американца, было немало возможностей. Он мог стать рассыльным, и носильщиком, и агентом по рекламе. Никто не смог бы также помешать ему оказаться в числе тех четырех с половиной миллионов американцев, которые вообще не имеют работы. Ну; а если бы его папа был миллионером, Джон мог бы стать миллиардером.

Но Джон стал «тюленем». Точнее, его сделали «тюленем» те, кому нужны «тюлени». Нелегко коротко ответить на вопрос, кто такие «тюлени». Пишут, что они стали чуть ли не главной надеждой дядюшки Сэма. Иногда их величают «сверхчеловеками», иногда — «рейнджерами». В официальных бумагах эти красивые слова обычно заменяются скучными словосочетаниями — «силы особого назначения» или «десантно-диверсионные отряды». Неофициально же они именуются в Пентагоне «тюленями».

Но как бы их ни называли, суть у них одна: это помесь жандарма, попа и фокусника, появившаяся на свет в апартаментах военного ведомства США по причине страха и бессилия.

В самом деле, американские гарнизоны за границей живут в окружении плакатов, на которых и черным по белому и белым по черному написано: «Янки, гоу хоум!» — убирайтесь домой, значит. Из Азии, из Африки, из Латинской Америки гонят вон американских миссионеров в рясах. И в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке явно недолюбливают недоучек из «корпуса мира».

Что делать Вашингтону, если бессилён автомат, непопулярна библия и не в моде открытый грабёж? В поисках выхода и рождены в США «тюлени».

Чем они отличаются от других родов войск? По мнению журнала «Тайм», прежде всего ножом, который американские стратеги признали наиболее грозным оружием в борьбе с национально-освободительным движением. «Если послушать наших военных, — пишет журнал, — то все наши военнослужащие вскоре будут ходить с ножами в зубах».

Нож, конечно, важен, но не только он оживляет солдатские будни Джона Смита. «Тюленей» дрессируют в полном соответствии с поставленными перед ними задачами. Их учат не только бить ножом из-за угла, но и без акцента спрашивать на вьетнамском и испанском языках: «Где парти-

заны?» Не только жечь напалмом деревни, но и рассказывать о «прелестях американского образа жизни».

Судя по сообщениям американской печати, будущее рисуется Джону Смигу в густом розовом цвете. Летит, скажем, он на самолёте и видит внизу, в живописной горной долине, утопающую в садах деревушку. Джон нажимает кнопку, и над древними джунглями раздаётся его приятный баритон (почти без акцента): «Доброе утро, дорогие друзья. Если вы хотите прослушать лекцию о вреде коммунизма, а также получить брошюру «Как стать миллионером за одну неделю», спешите на лужайку!»

Обрадованные аборигены с песнями спешат на указанную лужайку. Джон сажает самолёт и, улыбаясь, спускается по трапу. В его рюкзаке библия и брошюры. Население встречает его цветами и немедленно выдает ему всех партизан, включая руководителей.

А если туземцы не желают встречать жандармов цветами? Ну что ж, тогда Джон нажимает другую кнопку, и внизу вспыхивает гигантский костер. Горят хижины, горят люди, горят цветы. Пусть горят! Соединенным Штатам не нужны такие деревни...

Но в Пентагоне, видимо, понимают, что подобные картины, вполне пригодные для поддержания «тюленьего» боевого духа, вряд ли встретятся в действительности. Потому-то среди «тюленей» огромной популярностью пользуются новые спальные мешки, которые в отличие от старых образцов закрываются не «молнией», а специальной клейкой лентой. «Специалисты», вернувшиеся из Южного Вьетнама, рассказывают, что так легче перейти от спящего состояния к бегущему.

Вот кто такие «тюлени» — надежда американских колонизаторов...

Но надежда не оправдывается. Вслед за изгнанными монахами и членами «корпуса мира» в США все чаще возвращаются и одноклассники Джона. Их опускают по трапам в продолговатых ящиках, на которых означены номера солдатских книжек.

Каждый «тюлень» ждёт своей очереди.

И это — самое большое «но» в биографии Джона Смита. Как, впрочем, и в планах его хозяев.

Э. БАСКАКОВ

обойден в славной парагвайской армии. Он получает бесплатно харч для семьи в армейской столовой.

В результате армия готова схватить любого, кто недостаточно громко кричит «ура!» при виде обожаемого диктатора. По свидетельству североамериканского журнала «Визьон», «лишь в одном концлагере района Чако томится несколько тысяч человек. Правительство Стресснера установило в каждом квартале каждого парагвайского селения широкую сеть шпионажа. Достаточно неосторожного слова, оброненного в адрес правительства, как ночью явится полиция...»

Недаром беспокойный Ричард Никсон, познакомившись со Стресснером, удовлетворенно заявил: «Правительство Парагвая — идеальный тип правительства для Латинской Америки».

Еще бы не идеальный! Только для какой Америки? Уж, конечно, не для Латинской, а для Северной. Это, впрочем, без всяких обиняков уточнил один американский дипломат: «Стресснер — единственный человек, способный гарантировать нам создание дружественного и устойчивого правительства».

Сам Стресснер, как человек откровенный, не скрывает своих ответных жгучих симпатий. По его словам, «американский посол в Асунсьоне — нештатный член парагвайского правительства». Что ж, такому

«нештатному» позавидовал бы любой получающий по ведомости! Уж очень жирная арифметика: в провинции Чако из двадцати трех миллионов гектаров земли шестнадцать миллионов подарены рокфеллеровской компании «Стандард ойл». Количество же американских советников, наводнивших Парагвай, не поддается даже арифметическим подсчетам.

Итак, схема вырисовалась полностью: посол США — Стресснер — армия. А народ? Он несет эту схему на плечах. И поэтому в стране 80 процентов неграмотных и самая низкая продолжительность жизни в западном полушарии.

Помните, Стресснер сказал, что его враги — это плохие парагвайцы. Заявление, прямо скажем, неосторожное. Выходит, что почти все парагвайцы — из рук вон плохие, недоброжелательные люди. Так сказать, не джентльмены. Ведь почти все они горячо ненавидят Стресснера.

Тем временем лощеные оппозиционные парламентарии лихорадочно придумывают, чем бы еще ублажить диктатора.

— Алло, господин президент? Есть еще одна идея: вешать не медведей, а недовольных парагвайцев. Только здесь без ломки бананов не обойдешься.

— Вешать? — задумывается Стресснер. — Не ново, конечно, но черт с ними, с бананами!..

Вл. МИТИН

— Вставай! За тебя заплачено пять тысяч. Они на полу не валяются!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Стадион был переполнен. Сидевшие на трибунах курортники и коренные жители маленького приморского городка лузгали семечки, пили лимонад и ожесточенно курили в ожидании предстоящих забегов. Все жаждали лицезреть прославленных бегунов. Городок был свидетелем сумасбродств этих звезд в местных кабачках, и люди видели, какие отчаянные усилия прилагали тренеры, чтобы заставить своих питомцев соблюдать режим и тренироваться. Ведь скоро предстояли международные соревнования. Однако звезды, уверенные в своих силах, режимом и тренировками пренебрегали. Они считали, что прибыли сюда исключительно для того, чтобы пожить вволю. И люди стали замечать, как бегуны полнеют, а тренеры худеют.

И вот пришел наконец день контрольных соревнований. От их результатов зависело, кто из спортсменов появится на международной арене, кто сможет бороться за золотые медали.

Стадион шумел. Громкоговоритель сообщал, что предстоит забег на 5 тысяч метров. Трое лучших бегунов сбросили тренировочные костюмы и горделиво массировали мускулы ног. Судьи заняли свои места, а публика с вытянутыми шеями ждала выстрела сигнального пистолета.

Спортивные звезды уже топтались на старте, когда вдруг на поле появился

Генчо УЗУНОВ

ЗВЕЗДЫ И ПОЧТАЛЬОН

известный всему городку почтальон Йовчо. Он вышел на гаревую дорожку в своем обычном виде — в поношенной зеленоватой куртке и с почтовой сумкой через плечо. На ногах у него были парусиновые туфли. Йовчо приблизился к судейскому столу и сказал:

— Хочу и я побегать.

Громкоговорители разнесли эти слова по стадиону, и зрители оживленно зашумели. Какая-то крестьянка из первых рядов, не удержавшись, даже громко вскрикнула:

— Боже мой, уж не наш ли это Йовчо?

Судьи сначала удивленно переглянулись. Потом рассмеялись. А трое спортсменов окружили Йовчо и с насмешкой стали ощупывать сквозь брюки мускулы на его ногах. Почтальон боялся щекотки и подскочил, как ужаленный. Весь стадион сотрясало от смеха.

— А раньше когда-нибудь ты бегал? — спросил его один из судей.

— А то как же... конечно, бегал... из школы домой... на переменах... И сейчас целыми днями ношу по всем до-

рогам до ближайших сел. Ведь я же почтальон. У меня здоровые ноги. Я вот здесь побегу, рядом с этими ребятами, — добавил Йовчо и показал на краешек гаревой дорожки.

— Хорошо, — снисходительно улыбнулся самый главный судья.

Благодарно кивнув, Йовчо бросил на траву сумку, снял ботинки и брюки и, оставшись в трусах и носках, сосредоточенно поплевал на ладони рук. Вот он застыл на старте несколько в стороне от других спортсменов.

Прозвучал выстрел, и все четверо под крики публики стремительно понеслись вперед.

Первую тысячу метров Йовчо бежал очень быстро и намного опередил соперников. Оглянувшись и увидев, что бегуны отстали, он почувствовал, очевидно, угрызения совести и остановился. Не спеша снял носки и отбросил их в сторону, подождал, пока с ним поравняются бегуны, и только тогда снова понесся во весь дух.

После второй тысячи метров он снова оказался впереди. Но здесь его стал на-

стигать один из бегунов. Публика нялась на ноги, публика заревела:

— Давай, Йовчо!

— Жми, дружище!

И Йовчо поднажал. На последнем шагающей тысяче метров он был впереди на полкруга, и вскоре спины бегунов замыкались уже перед ним. Залось, что Йовчо поставил себе и настичь их и удвоил темп. Но вот видно, решили помешать и перегорели путь какой-то лентой. Йовчо не стерялся. Ловко нагнувшись, он протиснулся под лентой и продолжал гнать бежавшими впереди. Но не сумел догнать. Потому что с неистовыми криками на поле выбежали болельщики прежде чем Йовчо понял, в чем схватили его и, подняв, понесли в руках.

Забывшие всеми, униженные и вышедшие с ног от усталости, три спортивные звезды незаметно прошмыгнули раздевалкам.

Тренер, энергично работая руками с криками: «Дайте его мне! Он мяжен!» — пытался добраться до Йовчо. Но безуспешно.

Восторженная публика вынесла на руках со стадиона и несла ее самого главного почтамта.

Перевел с болгарского Е. ТУМАНОВ

Мой сын лжет, мой единственный маленький сынишка... Это ужасно. Ему всего лишь десять лет, он невинно, словно младенец, смотрит на мир своими большими голубыми глазами и лжет. Что получится из этого ребенка? И от кого он этому учится? Ведь отец каждый день после работы занимается с ним, проверяет уроки и напоминает, что лучший путь в жизни прямой. Сколько раз отец говорил этому дрянному сорванцу, что у лжи короткие ноги, что лжеца догнать легче, чем хромого собаку... Помню, как-то он даже нарисовал хромого собаку, чтобы сын лучше запомнил. И вот, пожалуйста! Ребенок лжет. Но от кого он этому научился?

В прошлом году два-три мне показалось, что он соврал. Например, когда сказал, что в школе объявили недельный перерыв, чтобы дети поняли, как бесцельна и пуста жизнь без работы. Мне показалось это странным, и я потребовала:

— Миши, поклянись!

Он поклялся, и я успокоилась. «Господи, — думала я, — в наше время провозглашается так много новых современных педагогических принципов... Откуда я знаю, может, это и правда».

Ласло ТАБИ

ЧУДЕСА ВОСПИТАНИЯ

А однажды он явился из школы домой в одиннадцать утра, и я спросила:

— Что случилось, сынок?

Он сказал, ничего, мол, не случилось, просто отменили уроки географии и арифметики, потому что учителя женятся. Мне показалось несколько странным, что оба учителя одновременно устраивают свадьбу, да еще в учебное время, но ребенок утверждал, что они женятся на сестрах-близнецах, будет общая, коллективная свадьба и райсовет позволил устроить ее только утром. Я сказала: «Миши, поклянись!» Он поклялся, и я успокоилась. «Господи, нынче ведь все делают не так, как раньше», — думала я. А вчера выяснилось, что ребенок лжет. Да, именно лжет. Не фантазирует, не преувеличивает, что было бы еще простиительно, а, к сожалению, просто врет. Нам он сказал, что получил по истории пятерку, но час спустя мне стало известно, что он ответил на единицу. Он не знал ни слова и ответ свой начал так:

«Разница между королями Белой Третьей и Белой Четвертой составляет, по видимому, только единицу...» Его посадили и с полным правом поставили в журнале единицу. А дома он наврал, что получил по истории пятерку, и смотрел на нас невинными, как у младенца, большими голубыми глазами. Итак, он лжет... Что из него выйдет, когда вырастет? Бандит с большой дороги, грабитель? Но от кого он этому учится?

Господи, ведь мы его так любим, вскармливаем чуть ли не кровью сердца. Нет у него такого желанья, которое бы мы не выполнили, ведь он наш единственный ребенок, отец из-за него с ума сходит, хотя он похож на меня. Вот и на прошлой неделе захотел он посмотреть старое кинореволю, а сеансы были только утром. Я написала классной руководительнице записку, чтобы она отпустила сына в десять часов, так как я поведу его к зубному врачу. Сына отпустили из школы, и он был так счаст-

лив, так смеялся в кино, что у него же слезы на глазах выступили. И как благодарность? Сын лжет! Только узнать: у кого он этому учится?

Я для него готова звезду с небес достать. Вчера, например, я шла домой и заметила в витрине магазина чудные помидоры. Я вспомнила, что сын обожает помидоры, и решила купить ему несколько штук, хотя они очень дороги — только появились, вые. Четырнадцать форинтов я уложила за три маленьких помидорчика. Несла домой, говорю ему: «Миши, смотри, что я тебе купила!» Он спросил, сколько стоит. Я ответила: «Четырнадцать форинтов, но папа рассердился, если узнает. Я скажу, что заплатилась семь, понимаешь?» В помидорах много витаминов, ребенок в одну секунду их проглотил. Разве я для него что-нибудь пожалею? А через полтора часа соврал, будто получил по истории пятерку, хотя ему поставили единицу. Ни слова благодарности у этого ребенка за последние лет, всего лишь десять лет, он лжет! Только бы узнать: у кого он учится?

Перевела с венгерского Елена ТУМАР

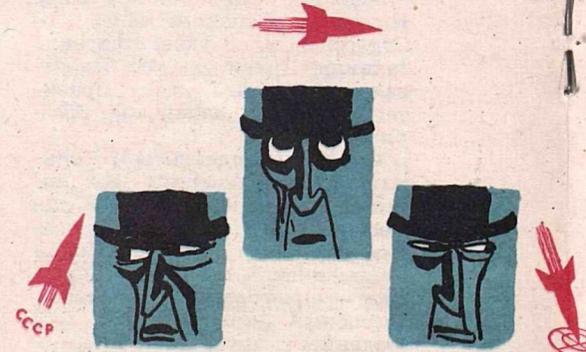
КАРАНДАШ

Если вы услышите в Болгарии слово «карандаш», знайте: скорее всего речь идет о Карандаше с большой буквы. Это псевдоним Цветана Цекова — одного из популярных болгарских карикатуристов.

Сатирическому темпераменту Карандаша может позавидовать любой карикатурист. Достаточно взглянуть на его автопортрет, чтобы увидеть, что Карандаш не щадит даже самого себя.

Помощь слаборазвитым странам (американский вариант)

Без слов

Мечтая о пересмотре своих границ, западногерманские реваншисты тянутся к атомно-ракетному оружию.

АНЕКДОТЫ О БОННЕ

Мы публикуем сегодня несколько остроумных и ядовитых шуток по адресу Бонна и при этом совершенно не опасаемся дипломатических осложнений. Все анекдоты заимствованы из издания в городе Гейдельберге (ФРГ) сборника, который так и называется — «Анекдоты о Бонне».

Отдаленное сходство

Американский дипломат, проработав несколько лет в Бонне, вернулся на родину. На вопрос приятеля, как ему понравился Бонн, он ответил: «Бонн занимает территорию в два раза меньшую, чем городское кладбище в Чикаго, но он вдвое мрачнее».

Исайя о бундестаге

При подсчете голосов после выборов в бундестаг счетная комиссия обнаружила бюллетень, поперек которого было начертано: «См. Исайя, стр. 41, стих 24-й». Члены избирательной комиссии сообразили, что это ссылка на Библию, и быстро нашли указанное место. Их глазам представился следующий текст: «Поистине вы созданы из ничтожества и дела ваши тоже ничтожны, поэтому избрать вас было бы гнусным преступлением».

Единственный способ...

В кулуарах бундестага встретились два депутата — специалисты по финансовым вопросам.

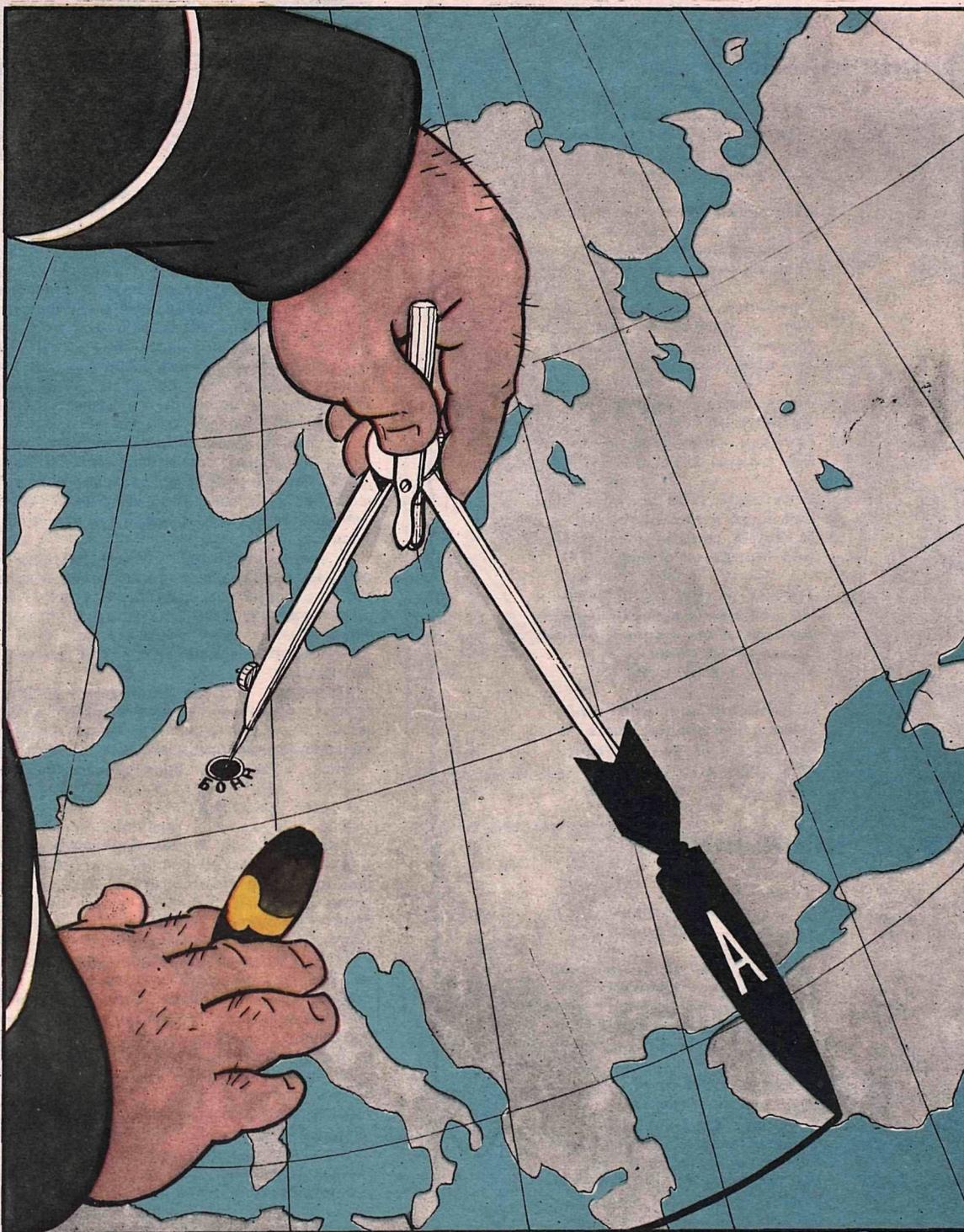
— Существует много способов заработать большую сумму денег, — сказал один, — но есть только один, который можно назвать честным.

— Какой же это способ? — живо заинтересовался собеседник.

— Ха-ха-ха, я так и знал, что этот способ вам неизвестен!

Существенная оговорка

Депутаты бундестага решили составить свою любительскую футбольную команду. Один из руководящих деятелей социал-демократической партии объявил, что будет левым крайним, но тут же опасливо попросил всех учесть, что его заявление относится только к футболу и «ни в какой мере не отражает политического курса руководства социал-демократической партии».

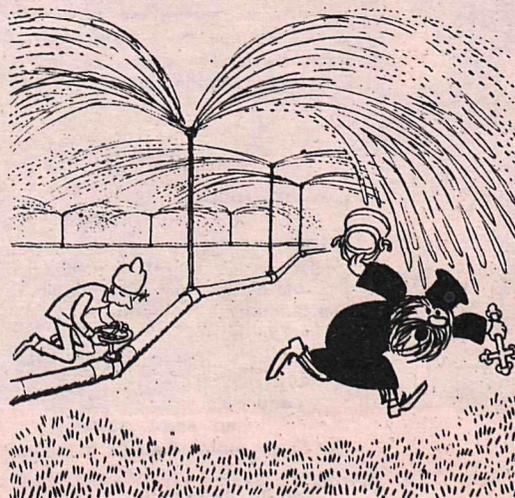

РЕВАНШИСТСКИЕ МАСШТАБЫ

Рисунок А. КРЫЛОВА

В творческом трансе

Молебствие о дожде

Столоначальники

К сожалению, не все наши работники понимают ту истину, что административный зуд ничего, кроме вреда, не может принести.

Из доклада Н. С. ХРУЩЕВА на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов.

Быть с людьми всегда и всюду —
Вот что множит наш успех! —
К сожалению,
покуда
Это ясно не для всех.

Это чуждо и доселе
Для «начальничков» таких,
Что безвыездно засели
В канцеляриях своих.

Мнится им, что можно сразу
Все наладить целиком
Директивною, приказом,
Телеграммою, звонком.

Пребывая в кабинете,
Хоть и площадь в нем мала,
Можно делать все на свете
Без отрыва от стола!

Знать людей? Задача эта
Хитрецу не тяжела:
Погляди на их анкеты
Без отрыва от стола!

Если знать тебе охота,
Как идут у них дела,
Глянь на сводки и отчеты
Без отрыва от стола!

Так как ездить ты не склонен
По колхозам, в глубь села,
День за днем в своем районе
Выезжай на телефоне
Без отрыва от стола!..

...Чтобы это зло исправить,
Нужно нам людей таких
От стола быстрее отставить
Иль отставить стол
от них!

О чинах и чиновниках

Беда не только в том, что человек не имеет нужных знаний. Беда в том, что такой работник дает указания людям, умеющим различать крапиву от конопли, — председателям колхозов, директорам совхозов, — и не смеет ему возражать: он выше по рангу.

Из доклада Н. С. ХРУЩЕВА на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов.

Ругать и хаять
нет причин
Словечко «ранг»,
понятье «чин».

В стране
все ранги и чины
Доверием облечены.

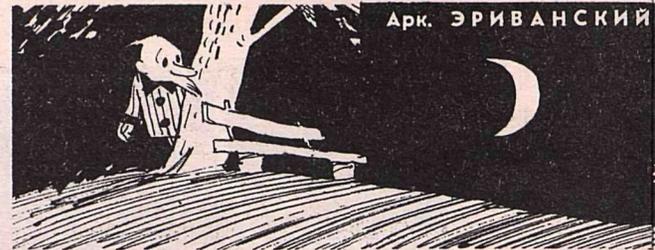
Но в каждом ранге или чине
У нас рождает боль и стыд
Тот,
кто по сути и личине
В себе чиновника таит.

У нас
на слом обречены
Чиновники, а не чины.

Чиновник действует приказом.
Он в директивах тонет весь.
В нем — автомате пустоглазом —
Параграф заменяет разум,
Все чувства затемняет спесь.
Быть на местах — ему неместно.
С людьми советоваться — грех.
Они ему неинтересны.
Он знает все — и лучше всех.
Он сам себе и царь и гений,
И все решает он один.
Не признает он возражений
И душит низовой почин.
Дороги он не даст почину,
Поскольку твердо и всерьез
Привык почин судить по чину
Того, кто предложенье внес.
Он что угодно искалечит,
Блюдя решение свое.
Решенью жизнь противоречит?
Ну что ж! Тем хуже для нее!
Души не сыщешь злей и суше.
Карьеру делая себе,
Он безразличен, равнодушен
К работе,
к людям,
к их судьбе...

Громить, порочить
нет причин
Словечко «ранг»,
понятье «чин».

В стране на слом обречены
Чиновники, а не чины.
И вывод прост:
у нас в Отчизне
Везде,
всегда,
во всем должны
Не быть чиновниками в жизни
Чины
любой величины.

На склоне жизни Власий Иванович Семендяев впервые попал в санаторий.

Многое сразу пришлось здесь по душе. Особенно харч и вид: любил человек вволю поест, любил неторопливо рассуждать, поглядывая на окрестный пейзаж. Меньше удовольствия доставляли лечебные процедуры. Но Власий Иванович сносил их безропотно. А вот то, что укладывают тут спать в одиннадцать часов, пришлось ему совершенно не по нраву. И дежурной медсестре каждый вечер приходилось воевать со стариком, как с маленьким. Его заставляли ночью то на веранде, то на садовой скамье.

На третий день Власия Ивановича заглазно прозвали «молодым стариком», остригли по поводу седины, беса и ребра, утверждали, что спать ему мешает лунный свет, притягательная сила которого остается загадкой, несмотря на успехи в покорении космоса.

А вчера медсестра сказала Власию Ивановичу: — Имейте в виду, папаша, сама Мария Семеновна, наш новый главврач, решила поймать вас.

— Как же она меня словит, раз в глаза не видала?

— Увидит. Кроме вас, по ночам никто не колобродит.

«Молодой старик» отправился спать в десять вечера. Когда же стенные часы в столовой пробили полночь, он уже сидел на скамье в саду и несколько возбужденно беседовал сам с собой.

Меж деревьями привидением мелькнул белый халат.

Старик привскочил.

Еще минута — и главный врач задержит его с вещественными доказательствами: садовая скамья и двенадцать часов ночи. Бежать поздно. Да и как побежишь при такой луне? Власий Иванович порывисто сорвал и бросил в кусты пижамную куртку, поднял суковатую палку и медленно, словно завороненный, пошел на главного врача.

— Это кто же тут? — спросила главврач, поправляя пенсне.

— Митрич. Митрич я. Сторож ночной, — проговорил старик. — Неужто не признали, доктор? Сад вот караюлю. Стараюсь, чтоб непорядка какого не было.

— А, так-так. Вы, Митрич, не видали старика тут одного? Из отдыхающих.

— Старика? Нет, старик не попадался. Молодые, те бьются частенько. Тех захватываешь. Мы, говорят, дедушка, на луну глядим. А чего на нее глядеть? Луна как луна, говорю я им и провожаю до палаты. А там сдаю голубчиков дежурной сестричке. Дескать, знай порядок. Не нарушай! Не иди против нашего главного доктора, который есть человек хороший и обходительный. Да, наш главный доктор...

— Ну, хватит, хватит, Митрич. Нужно и меру знать. Пойду я. Спокойного вам дежурства.

— Спасибо на добром слове, доктор.

Самозванный Митрич бросает палку, ныряет в кусты и надевает пижаму. Он оборачивается и тут же приседает: над ним снова стоит главный врач.

— Пойдите... А почему на вас пижамы? Значит, вы не Митрич?

— Не Митрич, — сразу скидает Власий Иванович. — Вы Власий Иванович Семендяев из шестой палаты?

— Из шестой.

— Так как же вам, Власий Иванович, не стыдно? Ведь ночью из палаты уходить нельзя.

— Нельзя.

— А убегаете. Через окно, как школьник. А между тем вы человек солидный. С бородой. Да еще вздумали со мной веселые сценки разыгрывать. За сторожа себя выдаете.

— Так сторож я и есть.

— Как так?

— Да вот гляжу, чтоб непорядка в саду не произошло.

— Ничего не понимаю, — говорит Мария Семеновна и опускается на скамью. — Садитесь. Объясните толком. Вы отдыхающий Семендяев из шестой палаты?

— Из шестой.

— А Митрич — ночной сторож санатория и должен караулить сад. Так при чем же тут вы?
 — А как же иначе! Я не безучастный какой. Не могу равнодушно смотреть, когда беспорядок и добро без присмотра остается.

— Господи! — всплескивает руками главный врач. — Да ведь вы же не сторож!

— Как же это я не сторож? Сторож. Старший сторож.

— Да что вы меня морочите! Вы отдыхающий из шестой палаты?

— Из шестой.

— Чего же вы утверждаете, что вы сторож.

— Я и есть сторож. Старший сторож.

— Да что же вы сторожите?

— Все хозяйство на мне. Конюшня, фермы...

— Что такое? Какие фермы? Где они?

— Отсюда если, так до станции Семеновки поездом надо. А там напрямик через лес и шести километров не будет.

— Вы мне сказки не рассказывайте, — сердится главный врач.

— Не сказки, доктор, кого хотите спросите. И шести километров не будет, если напрямик до нашего колхоза. Это раньше, когда мимо оврага ходили...

— Отдыхающий Семендяев, сейчас же отправляйтесь в свою палату, — заявляет главный врач тоном холодным, как утренний душ. — И если вы еще раз нарушите режим, немедленно отправим вас домой.

— Воля ваша. А только совесть мучает меня.

— Это почему же?

— А как же! Председатель так и сказал: поезжай, мол, Власий Иванович, и не сомневайся, ни в чем тебе стеснения не будет. Дескать, ты теперь человек почетный, поскольку сберег ферму от пожара.

— Ну вот, вас послали лечиться на колхозные средства, а вы как лечитесь?

— Я, доктор, привычный по ночам не спать. Мне вреда от этого нет. А вам же польза. Вон кругом богатство какое. Гляньте, построек надворных сколько, а сад, а дома какие! Их бы в оба глаза беречь!

— Да ведь у нас и берегут. Есть специальные сторожа. И помощи отдыхающих нам не нужно.

Старик машет рукой.

— Эх! Ну раз на то пошло, скажу тебе. Хоть и обещался не рассказывать, а скажу, как ребята своего слова тоже не соблюдают.

— Какие ребята?

— Да сторожа ваши... Первую ночь, как приехал, стерпел я, до утра промаялся не спавши, а на вторую убег. Вылез в окно и убег. Гляжу: кругом богатство, а сторожей нет. Не может, думаю, такого быть. Стал их искать. Ну, они на кухне сгрудились и ляды с кухарками точат. Я их срамить, а они: не твоя, мол, забота, и не суйся. Как ты отдыхающий, твое дело простоквашу кушать, организм поправлять. На другую ночь выхожу, а их опять никого.

— Неужели?

— Истинная правда. С тех вот пор и вовсе спать не могу! А вдруг беда какая! Так вот и хожу ночью, приглядываю. И мне на пользу, как непривычный я спать в самую рабочую пору, и вам спокойнее.

Мария Семеновна улыбается, взглядывает на часы и спохватывается:

— Ого! Второй час. Ну, Власий Иванович, пора и в постель. А я сторожей сама сейчас проверю.

— Да их проверять простого проще. Иди, доктор, прямо на кухню.

— Спасибо и спокойной вам ночи, Власий Иванович.

— До свиданья, доктор.

Власий Иванович делает несколько шагов и, обернувшись, спрашивает:

— А завтра как? Проверять мне или нет?

Главный врач напускает на себя сердитый вид — обстоятельства обязывают — и строго говорит:

— Отдыхающий Семендяев, сейчас же отправляйтесь спать.

— Иду, иду. Уж и слова нельзя сказать человеку, если он отдыхающий, — ворчит Власий Иванович, удаляясь в сторону спального корпуса.

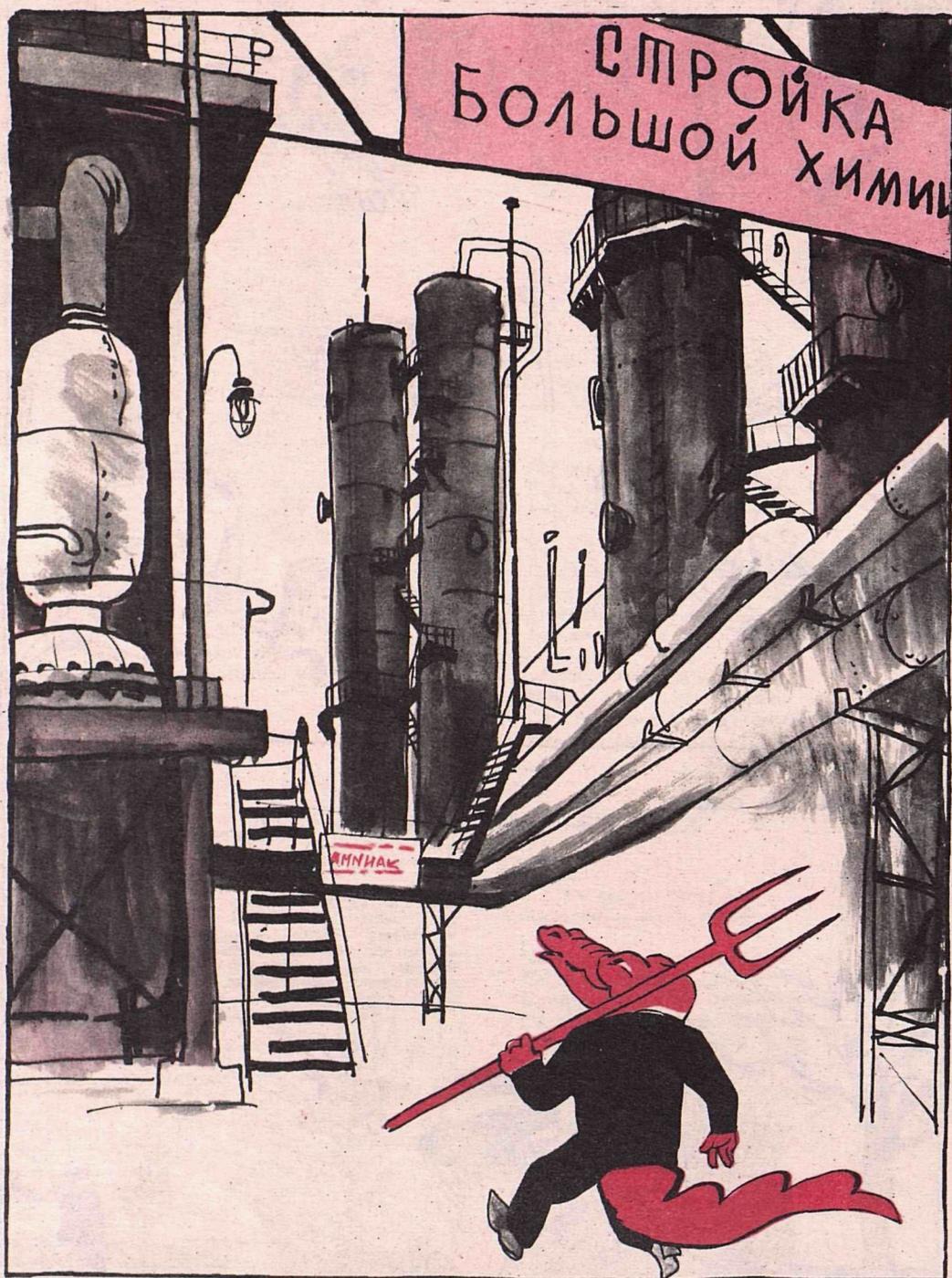
Баснописцы на охоте.

Рисунок А. ВАСИЛЕНКО

— Когда же этого хулигана заберут? Так и на работу опоздать можно...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

На днях Крокодил получил сразу два приятных письма. Одно — с Барнаульского комбината химических волокон, над которым Крокодил шефствовал последние пять лет. Барнаульцы завершили строительство этого крупнейшего в Сибири гиганта большой химии и уже дали первые миллионы квадратных метров вискозной и капроновой ткани сверх плана.

Добро!

Другое письмо — от коллектива коммунистического труда кислородного цеха Щекинского химического комбината, что в Тульской области. «Мы, химики — производственники и строители, — говорится в письме, — просим тебя, дорогой Крокодил, включиться в нашу борьбу за скорейший пуск всего комбината».

Добро!

Крокодил с удовольствием берет шефство над стройкой Щекинского комбината. А что это за комбинат, тебе, дорогой читатель, расскажут посланцы Крокодила, только что вернувшиеся из Щекина.

ВЕЖЛИВА

КАРБАМИД, КРИПТОН, КАПРОЛАКТАМ...

Диковинные слова эти, дорогой читатель, самые что ни на есть русские. Впрочем, они и украинские. И латышские. И грузинские. И казахские. Одним словом, советские это слова. Потому что это — большая химия.

На огромных просторах раскинулись действующие предприятия и строящиеся объекты Щекинского химкомбината. Кислород, аммиак, аммиачная вода для нужд промышленности и сельского хозяйства, карбамид — ценнейший продукт, криптон, аргон, ксенон — газы, добываемые сложным и тонким путем, ионообменные мембраны для обессоливания вод и многое другое... Все это уже выпускает Щекинский химкомбинат.

А впереди — строительство тридцати объектов для производства капролактама и вслед за ним — фабрики для выпуска капроновой нити. Впереди — возведение и оборудование новых корпусов кислородного, аммиачного и других производств.

Большая химия притягивает к себе, как магнит, сердца и руки тысяч людей. В строительной бригаде коммунистического труда Михаила Алексея тридцать четыре человека. Они приехали сюда, со всех концов страны. Да и вообще на комбинате много пришельцев издалека.

Алевтина Лукина, лаборантка центральной лаборатории, из Ленинграда. Дамир Ахметзянов, аппаратчик криптоновой установки, родом из Башкирии. Надежда Танцова, инженер-механик, окончила институт в Туле. Слесарь Михаил Синельников — с Украины.

Интересно, как чувствуют себя щекинцы в молодом своем городе.

— Отлично! — сказал нам Николай Андреевич Киселев, аппаратчик цеха конверсии. — Места у нас замечательные. Зимой утопаем в снегу, а летом — в зелени. Заходите, гости — будете. У меня трехкомнатная квартира, все удобства. Да разве только у меня? Жильем в поселке не обижены. А сколько строится! В одном этом году сдаем двадцать тысяч квадратных метров жилых помещений.

А дома и впрямь хороши: газ, ванны, горячая вода. И заманчиво светятся голубые телевизионные экраны.

В заветной сафьяновой шкатулке хранятся у Николая Андреевича боевые фронтовые ордена, и их венчает самый дорогой — орден Ленина.

Этот орден тоже боевой, хоть и получен в мирное время, в 1959 году. Получен за химию.

Об этих замечательных людях и их товарищах еще не написаны романы и повести. Впрочем, нет оснований тревожиться. Будут и романы и повести. И даже, может быть, оперы будут.

А самое главное — будет большая химия.

ЩЕКИНЦЫ

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ЛОЖКЕ

В Ташкенте красиво продают арбузы. Весело продают. Стоя у горы полосатых, блестящих арбузов, продавец кричит:

— А вот арбузы! Половина — сахар, половина — мед!

Просто нельзя не купить арбуза, обладающего таким дивным составом.

Но есть известный всем с далеких времен облеченный в формулу поговорки иной химический состав, который зовется: «В бочке меда — ложка дегтя». И, как ни жаль, приходится вспоминать об этом здесь, на Щекинском химкомбинате.

Каждый день на комбинат приходят вагоны, платформы, цистерны. В них строительные материалы и оборудование для строящегося гиганта. Десятки заводов страны вполне серьезно и ответственно выполняют заказы щекинцев...

На Пензенском заводе химического машиностроения тоже работают люди серьезные и ответственные.

Как только для Щекинского химкомбината были заказаны Пензенскому заводу 12 конверторов, пензенцы тут же засучили рукава и... написали бумагу. А в бумаге черным по белому было сказано, что в первом квартале нынешнего года все 12 конверторов будут сданы. Кончился первый квартал, но ни одного конвертора пензенцы не сдали. Так, видимо, и ходят с засученными рукавами...

Пензенцы не одиноки в своих добрых намерениях.

Щелковскому насосному заводу было поручено изготовить для щекинцев шесть насосов.

— Всего шесть? — сказали щелковцы. — Об чем разговор! Для химиков — с превеликим удовольствием! В кратчайший срок!

Через месяц щекинцы напомнили о заказе. — Да вы не волнуйтесь, — ответили щелковцы. — Насосы — это ж наше родное дело. А уж для химиков-то!.. Какой может быть разговор!..

А когда отрывной календарь похудел наполнили и уже в который раз запросили заказчики нужнейшие им насосы, руководители насосного завода стали невнятно объяснять, что, дескать, насосы-то, оказывается, не те, какие они привыкли делать, а совсем другие. Чтоб их изготовить, еще и думать надо, да еще неизвестно, что придумается. Так что хоть они большую химию по-прежнему обожают, но насчет насосов гарантировать не могут...

Вот что такое ложка дегтя. Вот ее, так сказать, химико-бюрократический состав.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ...

Когда нам сказали, что в поселке Первомайском есть четыре общеобразовательные школы, мы не удивились. Мы уже привыкли не удивляться. Тут же выяснилось, что в поселке есть еще и вечерняя школа. Вообще же в радующей информации недостатка не было: нам рассказали, что в Первомайском возводятся еще две школы...

Мы закрыли блокноты.

— Подождите! — остановили нас собеседники. — Запишите: трехгодичные курсы мастеров.

— Так, — сказали мы. — Запишем. Желаем всем учащимся успех...

— Минуточку! — крикнули первомайцы. —

Зафиксируйте профессионально-техническое училище, готовящее аппаратчиков, машинистов, слесарей...

Зафиксировали.

— Пойдите. Еще есть химико-механическое училище. Четыреста учащихся.

— Здорово! — искренне восхитились мы. — Тогда уж выкладывайте все без утайки: может, есть университеты, институты, филиал Академии наук?

— Филиала пока нет, — сконфузились первомайцы. — А институты, пожалуйста, в Туле —

рукой подать. Университет тоже недалеко — в Москве. Многие наши заочники там занимаются.

— Ну а, скажем, консерватория?

— Консерватории как таковой еще не завели. Но вот музыкальное училище имеется. На двести человек. Хочешь — учишься играть на скрипке, хочешь — на аккордеоне. Да и класс фортепьяно тоже есть.

В Первомайском учатся почти все. Спросите любого мальчишку, любую девчонку, куда они хотят пойти после школы, и они ответят: «В химию».

Когда в наших блокнотах была поставлена последняя, как казалось, точка, мимо прошел пожилой человек с букварем в руках. Мы бросились к нему.

— Скажите, — взволнованно закричали мы, — вам шестьдесят лет, и вы все же идете в вечернюю школу, дабы ликвидировать пробелы в начальном образовании?

— Нет, — улыбнулся незнакомец. — Во-первых, мне не шестьдесят, а семьдесят. Во-вторых, учебник я купил для внука. А в-третьих, образование у меня законченное высшее...

Свежий ветер рябил нестерпимо синие лужи. По лужам, вздымая фонтаны брызг, бежали в школу будущие химики — инженеры, технологи, а может быть, и действительные члены Академии наук...

В. МИТИН, Е. ШУКАЕВ, Б. ЮДИН,
специальные корреспонденты Крокодила

Щекино — Москва.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ ДИРЕКТОРА

В это апрельское утро рабочий день Петра Михайловича Шарова, директора комбината, начался в семь утра. Двери раскрылись настежь, и в кабинет нестройными рядами вошли ученики третьих, четвертых и пятых классов.

Горнист протрубил в трубу нечто жизнеутверждающее, и девочка с красным галстуком, рдея от волнения, воскликнула:

— Привет героям большой химии от подрастающей смены — пионерии!

Добрый директор, протирая глаза и отчески улыбаясь подрастающей смене, уже хотел было сказать в ответ что-нибудь трогательное, как вдруг в кабинет ворвались люди в беретах и втащили два софита, десять микрофонов и один монитор.

— А это зачем? — удивленно спросил Петр Михайлович.

— Для передачи, — деловито объяснил главный берет. — Из телевидения мы. Так что, пожалуйста, улыбочку.

— Извините, — сдержанно произнес директор. — Сейчас тут будет совещание.

— Не будет, — успокоил берет, — фотохроника никого не пустит. Репортеры с двух ночи окопались в приемной...

Фоторепортеры отняли три часа двадцать минут. Кровь замедленно пульсировала в директорских жилах.

— Здравствуйте, — тихо сказал мужчина, вышедший из-за портьеры. — Мне нужно взять у вас интервью для...

Петр Михайлович положил в рот белую таблетку валидола. В эту минуту в кабинет ворвался третий заезд отдыхающих из соседней профсоюзной кузницы здоровья.

— Привет! — гаркнули отпускники. — Хотим ознакомиться с гигантом химии. А то от «козла», ребята совсем заскучали...

После ухода отдыхающих симпатичная секретарша Александра Георгиевна зачитала список делегаций, прибывающих в этот день. Когда их число дошло до трехсот семнадцати, Петр Михайлович твердо сказал:

— Баста! Будем проводить совещание.

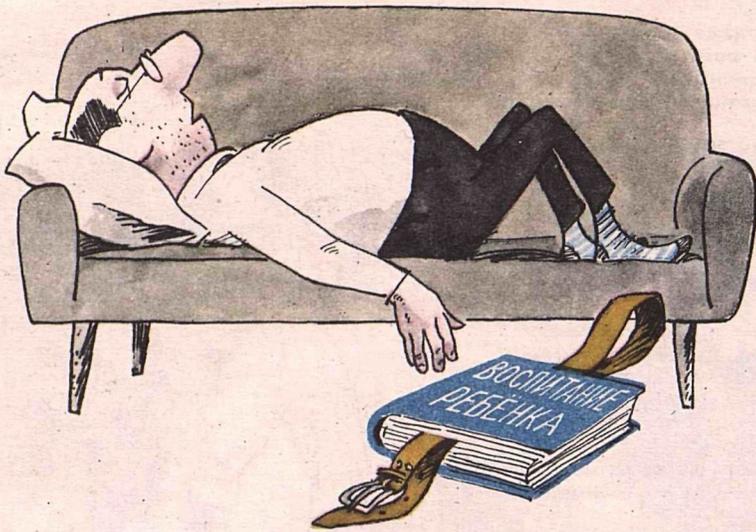
И... проснулся.

Если мы и преувеличили, то, уверяем вас, совсем чуть-чуть.

С одной стороны, конечно, это неплохо, даже замечательно — такой интерес к одному из богатырей химической индустрии. Но все же хочется сказать:

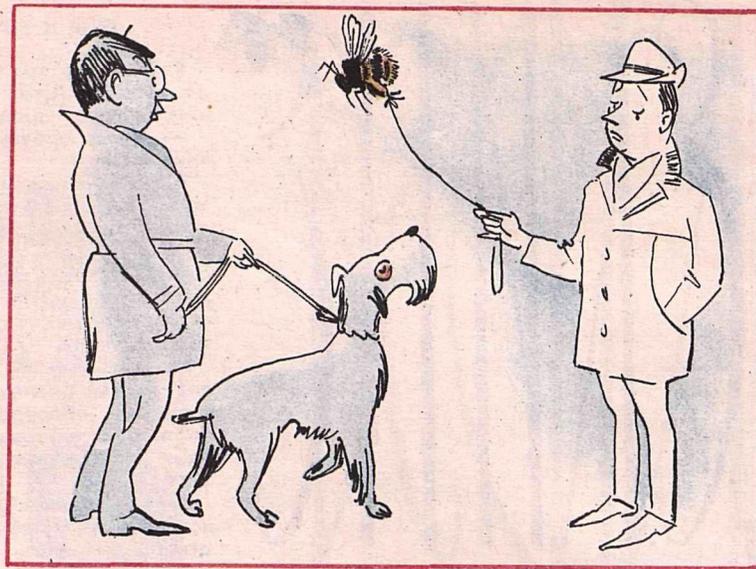
— Товарищи! Знайте же меру! Директору тоже нужно работать...

Но и сказать-то не очень удобно, поскольку триста восемнадцатыми посетителями были мы.

Закладка.

Рисунок М. СОКОЛОВА

— А мне жена не разрешает держать собаку...

Рисунок М. БИТНОГО

Ясон ГЕРСАМИЯ

ВАС ВЫЗЫВАЕТ ТАШКЕНТ

Конец рабочего дня. Звонок телефона.

— Слушаю.

— Вас вызывает Ташкент. Не кладите трубку.

Я не кладу «трубочку». (Работники связи почему-то особо ласкательно именуют эту часть телефонного аппарата).

Жду. Три, пять, семь минут. В «трубочке» ни духу, ни слуху. Решаю: наверное, произошла ошибка. Бросаю прощальный взгляд на телефон, собираюсь уходить. Звонок: «Будете говорить. Не кладите...»

Сажусь за стол. Держу трубку и, как говорят украинцы, «думку гадаю...» — кто меня вызывает, никаких знакомых в Ташкенте у меня нет. Дел — то же самое. Кто же звонит по служебному телефону, когда окончился рабочий день? Стараюсь припомнить, какое время сейчас в Ташкенте. Трубка безмолвствует. Вбегает дежурная.

— Вас вызывает Ташкент... Соединили с телефоном внизу.

Бегу вниз, на первый этаж. Хватаю трубку.

— Слушаю... Слушаю!

Каюсь, стучу по рычажку, зная, что этого делать не рекомендуется. Жду пять, семь минут...

Дежурная предусмотрительно осталась наверху и, замороженная, смотрит на телефон.

Слышу дробный стук ее каблучков по лестнице и бегу ей навстречу.

— Соединили с вашим телефоном! — кричит она со второго этажа.

Бегу вверх. Задыхаясь, беру трубку.

Наконец голос телефонистки:

— Что же вы бегаєте... от одного телефона к другому, вас вызывал Ташкент.

— Кто? Кто вызывал?

— Я же сказала: Ташкент. Сколько раз повторять?!

«Трубочка» умолкает. Иду к третьему телефону и вызываю междугороднюю... Прошу старшую.

Жду три минуты. Дождался. Старшая телефонистка объясняет:

— Не надо нервничать. Сейчас выясним. Не кладите...

Не кладу. Слышится голос старшей:

— Вы куда-то уходили, и ваш абонент ушел. Разговора не будет.

— Позвольте... Я вам объясню.

Но — увя! — объяснить я могу только «трубочке», которая не реагирует. Иду к дверям. Звонок телефона. Спешу к трубке.

— Я выяснила, вызывал Ташкент, но вас не было на месте. Оставьте ваш домашний телефон, позвоним вам на квартиру.

Называю номер домашнего телефона и ухожу домой. Пообедал. Сажу дома. Снова стараюсь припомнить, нет ли у меня знакомых в Ташкенте. Вечер прошел спокойно. Ложусь спать. Заснул. Звонок. Нервный, междугородный.

— Будете говорить с Ташкентом. Не кладите трубку.

Нет, кладу трубку. Рядом, на подушку. И смотрю на нее, как удав на кролика. Но вот слышу...

— Алло, алло!

— Слушаю вас. Слушаю.

Женский голос из Ташкента.

— Это ты, Петя?

— Я не Петя. Кто это говорит?

— Здравствуй, Петя... Почему ты не пишешь? — громко вопрошает Ташкент.

Чувствую настороженное внимание жены. И снова:

— Петя, ты получил мое письмо?

— Я не Петя, кому вы звоните?

Щелк, щелк — и «трубочка» умолкает.

Встаю. Поднимаю «трубочку». Долго жду, пока телефон успокоится и начнет реагировать. Звоню на междугородную. Все сначала. Старшая выясняет.

Я и жена боимся уснуть. Бодрствуем. Ждем.

— Почему тебя назвали Петей? — интересуется жена.

Снова звоню старшей, чтобы ответить на вопрос жены.

— Да, да... Я выяснила: произошла ошибка. И заключительный щелк. Разговор окончен.

— Странно, — удивляется жена и не говорит, что здесь странного.

Ну как мне объяснить ей?

Что нового в сатирическом цехе

«БОЖЕСТВА И УБОЖЕСТВА» предстали перед читателями Библиотеки Крокодила в сборнике фельетонов композитора Н. Богословского. Прозаик Б. Егоров поведal читателям, наков «ДУХ КЛОНДАЙКА».

С. Шатров откомендовал читателям крокодильской Библиотеки вместе с героями других своих сатирических рассказов «РЕБЯТ ИЗ ЕРШ-ИЗБЫ». Фельетонист М. Виленский привел в ту же Библиотеку «САМОБЫТНУЮ ЛЮДЮ». А польская юмористка С. Гродзенська — «СТРАШНОГО ПОСЕТИТЕЛЯ».

«ПЯТЬ ВЕСЕЛЫХ НОВОСТЕЙ» подарило читателю издательство «Детская литература». Повести собраны в одном томе. Автор всех пяти — известный детский писатель А. Алексин.

Серия «МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ», выпускаемая Крокодилом, пополнилась альбомом рисунков художника Виктора Васильева (1906—1954).

«СМЕЕТСЯ АНТОНОВСКИЙ» — так называется посвященная этому графику юмористу монография Г. Павлова и Л. Радищева. Ее издатель — «Художник РСФСР».

«ВОТ ТАК ОНО БЫЛО!» Как именно — повествует новый сборник стихотворных фельетонов С. Олейника, пополнивший Библиотеку украинского сатирического журнала «Перец».

«ОБЫЧНЫЙ ДЕД» объявился с рекомендацией новеллистов Ю. Ляликова и И. Подбережского в Библиотеке белорусского сатирического журнала «Вожык».

«ОТКРЫТИЕ МИСТЕРА СПАРРОУ» предал гласности Гослитиздат Узбекистана. Автор нового романа-памфлета — О. Сидельников.

«РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ»: Воениздат выпустил сборник юмористических рассказов офицера Н. Бораненкова. Книжка так и называется — «Разрешите доложить».

«РАСТОРОПНЫЕ МЕДУЗЫ» обнаружены в сатирических водах. Выловил их и представил в Библиотеку «Комсомольской правды» И. Шатуновский.

Перевод с грузинского.

Шпилька

Десятитонный самосвал едва тащился под тяжестью груза.

В кузове громоздились газовая плита, походная кухня для туристов, комплект инструментов «Все для огородника», дюжина волчьих капканов и комнатная статуя Аполлона.

— На дачу едет, — говорили прохожие и махали человеку, восседавшему на шее Аполлона. — Привет дачнику!

Самосвал подъехал к дому. Дюжие грузчики принялись выгружать имущество и носить на пятый этаж.

Владелец имущества позвонил в свою квартиру.

Дверь открыла женщина в

элегантной шубке, но с распущенными волосами.

— Петенька, разве можно так долго ходить в магазин? — закричала она. — Мы же опаздываем в театр. Давай скорей шпильки.

Тут она увидела грузчиков, застрявших на лестнице с комплектом «Все для огородника».

— Боже! А это что такое? У нас же нет огорода!

— Возьми, — сказал муж, протягивая ей шпильки для волос. — А все остальное мне навязали в качестве принудительного ассортимента.

Н. МОНАХОВ

г. Москва.

Двенадцать стульев

На мебельный комбинат нагнул ревизор.

— Очень рад вас видеть! — сказал директор и предложил гостю стул.

Ревизор продолжал стоять.

Директор предложил три стула.

Ревизор промолчал.

Директор расщедрился на шесть стульев.

Ревизор слегка улыбнулся.

...Сошлись на дюжине. С доставкой на дом за счет комбината...

И. МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

НА РЕПЕТИЦИИ

— Скажите, сколько человек в вашей акробатической группе?

Лев в отпуске.

Рисунки И. СЫЧЕВА

При одном воздержавшемся

Я получил телеграмму от сына-десятиклассника из дома отдыха.

ПАПА ПОЗНАКОМИЛСЯ МАШЕЙ ТЧК ЧУДЕСНАЯ ДЕВУШКА ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ЗОЛОТЫЕ ВОЛОСЫ ДВЕ ЯМОЧКИ НА ЩЕКАХ ТЧК РИМСКИЙ НОС ТЧК ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ ТЫ НЕ ПРОТИВ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК СООБЩИ МНЕНИЕ ВА-СЯ ТЧК.

Кто же может быть против счастья собственного сына? Но к чему молниеносные темпы? Не лучше ли повременить, проверить свои чувства, ближе

узнать друг друга? Эти мысли я изложил на бумаге и в конце письма резюмировал: в силу всего вышесказанного от подобной поспешности я бы воздержался.

Через несколько дней получаю ответ.

ПАПА ПОЗДРАВЬ ЖЕНИЛСЯ ТЧК РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО БОЛЬШИНСТВОМ ГОЛОСОВ ТЧК ДВА ЗА Я И МАША ПРИ ОДНОМ ВОЗДЕРЖАВШЕМСЯ ТЧК ЦЕЛЮЮ ВА-СЯ ТЧК.

В. ПОДОЛЬСКИЙ

г. Николаев.

До свидания, дорогая!

Он пришел на работу с опозданием.

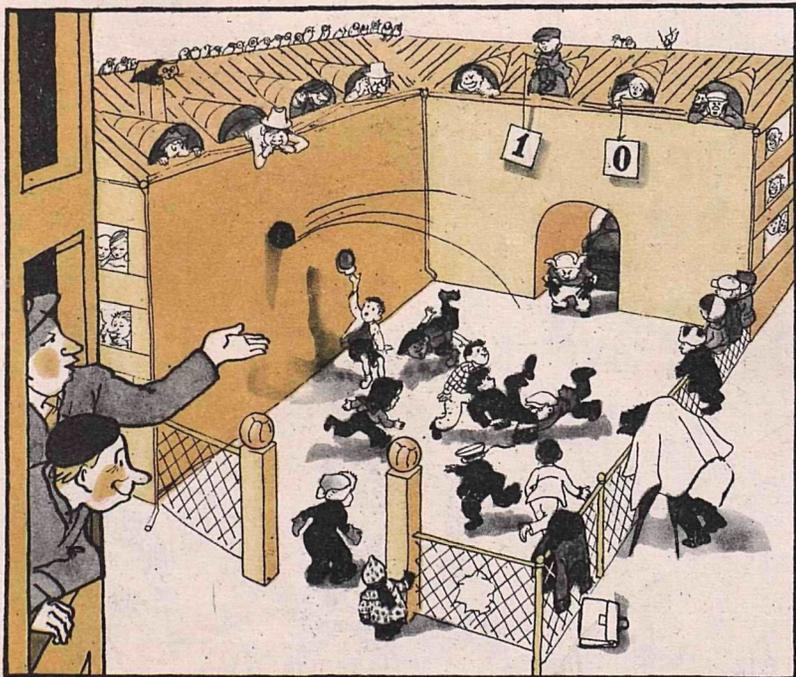
— Извините: жена в командировку уезжает, закрутились совсем. Готовились...

— Ну и как вы готовились?

— Она ведь целых десять дней будет отсутствовать! Рубашки мне гладила, за кефиром бегала...

Ф. ВИБЕ

г. Свердловск.

— Этот дом я спроектировал так, чтобы жильцы были довольны и ребятам было хорошо.

Рисунок **Е. ГОРОХОВА**

Главный редактор — **М. Г. СЕМЕНОВ**. Редакционная коллегия: **А. Н. ВАСИЛЬЕВ**, **М. Э. ВИЛЕНСКИЙ**, **А. Е. ВИХРЕВ**, **Б. А. ЕГОРОВ** (зам. главного редактора), **А. Н. РЕМЕЗОВ** (ответственный секретарь), **И. М. СЕМЕНОВ**, **С. В. СМЕРНОВ**, **А. А. СУКОНЦЕВ**, **Е. А. ШУКАЕВ**.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда». А 00363. Изд. № 379. Подписано к печати 9/IV 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₂. Тираж 2 000 000 экз. Зак. № 1050. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

8 АПР 1964

ЗЕМЛЯ: — Я за мирную торговлю!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО